

Василий Вонлярлярский

Поездка на марсельском пароходе

Василий Александрович Вонлярлярский

Поездка на марсельском пароходе

*изготовление fb2-документа из сетевого источника
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176400
Большая барья: изд-во "Правда"; Москва; 1988*

Аннотация

«3 марта 1847 года возвратился я из Испании в Марсель, дав себе обещание не только не пускаться в дальние морские путешествия, но избегать даже перевозов через реки. Причиной подобного обета был переезд из Алжира в Барселонну, продолжавшийся не четверо, как бы следовало, а четырнадцать суток; я получил решительное отвращение к воде...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Василий Вонлярлярский

Поездка на марсельском пароходе

(Из путевых записок)

3 марта 1847 года возвратился я из Испании в Марсель, дав себе обещание не только не пускаться в дальние морские путешествия, но избегать даже перевозов через реки. Причиной подобного обета был переезд из Алжира в Барселону, продолжавшийся не четверо, как бы следовало, а четырнадцать суток; я получил решительное отвращение к воде.

Итак, повторяю, торжественное обещание я дал третьего, а четвертого марта – увы! – перетащил чемодан свой на палубу железного парохода «Ville de Marseille»,¹ отплывавшего в тот же день в Неаполь.

Утро было пасмурное, небо серое, а воздух, зараженный гнилыми испарениями неподвижной гавани, душил и производил тошноту.

На палубе прохаживалось уже несколько пассажиров, из которых один был испанец, низенький, смуглый, грязный и безмолвный, как могила. Он грозно поглядывал на двух мужчин, разговаривавших между собою на языке, которого он не понимал; вероятно, ему казалось, что предметом разго-

---

¹ Дословно: «Город Марсель» (фр.).

вора был он. Но испанец ошибался; два господина говорили по-польски и не о нем. Один из них был лет сорока, высокий, полный, румяный и с прекрасными зубами. Белокурые волосы с проседью были подстрижены на затылке и отпущены на висках и темени; усики закручивал он в колечки. Обладатель всех этих сокровищ улыбался с приятностию, выделявая из губ сердоликовое сердечко. Товарищ его, невысокий, но статный мужчина лет пятидесяти составлял совершенную противоположность с ним; он был смугл, бледен, обстрижен донельзя и с такими глазами, от которых не отказался бы ни один испанец и, конечно, ни одна испанка.

Поодаль от всех, небрежно раскинувшись на деревянной скамье, лежал молодой человек лет двадцати двух. На нем был полосатый арабский бурнус и пунцовая феска с синею гарусною кистью; из-за фески выглядывали черные кудри, а из складок бурнуса – пара больших рук, сжатых пальевыми перчатками; под носом торчали намазанные чем-то усики, а подбородок осенялся клочком волос, расчесанным очень тщательно; мне даже казалось, что этот юноша был набелен и нарумянен.

Остальные пассажиры принадлежали ко второму разряду и ограничивали прогулку свою пространством, заключающимся между носом парохода и трубою.

– Кто такие эти господа, что на задней палубе, – спросил я у капитана, предоброго и превеселого шведа гигантских размеров.

– Смуглый – испанец (имен я еще не заучил), – отвечал капитан, – а те два, что говорят между собою, кроаты, из которых низенький – полковник, и прекуръзная штука.

– А тот, что в арабском костюме?

– Да ведь охота же наряжаться шутком.

– А кто он?

– Он бельгиец; пресладкая физиономия, – прибавил капитан.

– Он очень недурен собою, не правда ли?

– Была бы кожа да краски – то ли намарать можно.

– Он вам не нравится, капитан, – заметил я.

– Таких ли еще приходилось перевозить.

И капитан расхохотался, плюнул фонтанчиком за борт и покачал головою в знак совершенного удовольствия.

Чрез несколько минут из-за кораблей, стоящих на якоре, показался восьмивесельный катер. Весь экипаж наш и все пассажиры бросились к борту. Катер быстро приближался к пароходу; в катере сидело несколько дам и кавалеров.

– Это же еще кого бог дает? – спросил я у капитана.

– А вы разве не знаете?

– И не подозреваю.

– Вы не знали, что на моем пароходе отправляется в Рим Карлотта Гризи?

– Слышу в первый раз.

– Странно! – заметил капитан с видимою недоверчивостью, – очень странно; так вы, вероятно, думали, что этот

бельгиец облачился в бурнус и дурацкую шапку для моих прекрасных глаз.

Капитан снова расхохотался и снова плюнул фонтанчиком через борт. Знаменитую танцовщицу провожали до парохода директор марсельской оперы и несколько первых сюжетов. Свиту ее составляли курьер и горничная. Карлотта преграциозно перескочила на висячую лестницу парохода, знаками простилась с своим обществом и вбежала на палубу, где встретили ее весьма неграциозный капитан и, с пленительной улыбкою, бельгиец в африканском бурнусе.

Высокий, миловидный кроат снял было шляпу, но, не замеченный госпожою Гризи, снова надел ее, покраснев до белка глаз, и повернулся к своему товарищу.

Карлотта подала руку мнимому африканцу и сошла в каюту; кроаты последовали за нею, а капитан махнул рукой.

Пароход кашлянул раза два, пустил густую струю дыма, дрогнул и побежал вдоль тысячи неподвижных судов, оставляя за собою черную полосу на небе и белую – на поверхности моря.

Еще минута – и от величественного и многолюдного Марселя и его тысячи кораблей осталось на горизонте одно грязное пятно.

Послав последнее прости Франции, я оглянулся: влеве от меня мелькал в тумане каменистый берег, впереди и вправо колыхались зеленоватые волны; надо мною было серое небо, и подле меня небритый кормчий, который флегматически

жевал табак и смотрел на компас; кофейные руки его управляли судком.

Мне в голову пришла забавная мысль: что, если бы можно было пробудить от вечного сна одного из семи мудрецов древней Греции и, поставя его рядом со мною, сказать ему, что судно, на котором он находится, сделано из железа несколько толще бумаги; что судно это без парусов, но идет против ветра с быстротою прыткого бегуна, а движущая сила не что иное, как пар, – и мудрец преклонил бы колено перед изобретательностью настоящего века. Но если бы прибавить к этому, что от малейшей неосмотрительности, от малейшего небрежения вечно пьяного мужика, приставленного к машине, пароход может разлететься вдребезги и что восемь подобных же существ составляют весь экипаж этого огромного судна, мудрец, конечно, вскочил бы на ноги и, забыв недавний восторг, попросился бы на берег.

Карлотта переменила костюм и в сопровождении трех моих товарищей вышла на палубу, а потому мысли мои приняли другое направление и – прости, мудрец!

Гризи было в ту пору лет 25, не более: несмотря на итальянскую кровь, текущую в жилах Карлотты, она белая, белокура и смотрит на поклонников своих темно-голубыми глазами, говорящими красноречивее ее прекрасных уст.

Костюм ее состоял из темно-зеленой блузы, такого же цвета шляпки и воротника из темно-серых белок; муфта и обувь равно опушены были беличьим мехом. Окинув бег-

лым взглядом палубу, Гризи остановила его на мне, или, лучше сказать, на моем широком плаще, сооруженном еще в Москве из беличьего же тулупа; я понял значение взгляда и почти готов был извиниться перед очаровательной Карлоттой, почитавшей белок редкостью; но бельгиец стал между моим тулупом и ею, а я, проглотив извинение, повернулся лицом к морю. Румяный господин побежал за креслом, бельгиец за подушкой, а капитан, заметя свернутую в кольцо железную цепь, лежавшую в нескольких шагах от руля, отодвинул ее ногою и приказал подобрать. Четыре матроса продели в кольцо толстую палку и с трудом снесли цепь с палубы.

— А что, капитан? в этой цепи пудов двадцать пять будет? — спросил я довольно громко, чтобы обратить на нас внимание танцовщицы.

— Что вы, что вы, — отвечал могучий капитан, — да в ней и пятнадцати не будет; вряд ли есть и двенадцать. — Он плюнул.

— Для одной ноги и эта тяжесть хорошая рекомендация; впрочем, — продолжал я, — скажите мне, оказала ли вам когда-нибудь сила ваша какую-нибудь значительную услугу?

— Очень значительную — нет! Однако ж... — Мы говорили по-французски, и слово «однако ж» заставило Гризи повернуться в нашу сторону; я заметил это движение и принудил капитана продолжать; он скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу и, плюнув за борт, сознался, что, еще служа лейтенантом на одном из английских кораблей, отбил кула-

ком лапу посредственного якоря и так испортил руку, что в дурную погоду и до этой минуты чувствует некоторую боль.

Обстоятельство, названное капитаном услугою, заставило Карлотту расхохотаться до слез, а мне доставило случай завязать с нею разговор, а за ним и знакомство.

– Vous êtes de la même race?² – спросила у меня Гризи с насмешливою улыбкой.

– Avec la différence, madame, que nous sommes quelquefois moins bons que nos voisins,³ – отвечал я, протягивая руку почтеннейшему капитану, который чуть не изломал ее в знак благодарности. Карлотта улыбнулась и замолчала.

Все время до обеда, то есть до четырех часов, прошло довольно скучно; погода видимо портилась, море сердилось, и качка усилилась до того, что ходить становилось трудно.

Пробежав путевой лист капитана, я узнал, что бельгиец зовут Эльгемейном, что румяный господин – отставной поручик Стивицкий, а товарищ его – полковник граф Шелахвич. Последнему оказывал наш капитан особенное уважение: он не только уступал ему шаг вперед, но даже хватался за картуз, когда граф начинал с ним говорить. Шелахвич с первого взгляда чрезвычайно мне понравился; отсутствие всяких претензий, простота не только в речах, но в самых движениях выказывали в графе порядочного человека.

---

² Вы из той же породы? (фр.)

³ С той лишь разницей, сударыня, что мы не столь здоровы, как наши соседи (фр.).

Он был непринужденно учтив со всеми, разговаривал охотно обо всем, позволял себе изредка замечания и даже противоречия, которые, однако ж, никогда не имели целию оскорбить рассказчика. За обедом в общей каюте румяный господин и бельгиец завладели Карлоттою Гризи, которую почти насильно усадили между собою. Я сел рядом с капитаном; полковник поместился возле меня, испанец оградил себя двумя пустыми стульями и ел очень много, не обращая ни малейшего внимания на остальное общество. Бельгиец и поручик поочередно накладывали кушанье на тарелку танцовщицы, угощали ее винами, фруктами и делали ей такие глаза, от которых, вероятно, несчастной Гризи становилось тошно. Не дождавшись конца обеда, она поспешно встала и побежала на палубу, оба кавалера бросились за нею вслед, что заставило капитана расхохотаться во все горло, а испанца горделиво повернуть голову и презрительно улыбнуться.

– Что вы об этом скажете, граф? – спросил капитан у полковника.

– О чем?

– О любезности этих господ.

– Я, право, не заметил, – ответил тот, продолжая есть преспокойно: новое доказательство умения жить.

Капитан понял неловкость вопроса и, запив его стаканом портвейна, переменял разговор.

– А знаете ли, полковник, – продолжал капитан, – что каждый раз, когда я ем рыбу, я вспоминаю о вас.

– Неужели вы нашли сходство между нами, капитан? – спросил граф, смеясь.

– Как сходство, какое сходство? Разве я мог сказать подобный вздор!

– Вы сказали, что рыба напоминает вам меня.

– Да в каком смысле, – подхватил капитан, – я припоминаю приятеля вашего, адмирала Дюмон-Дюрвиля.

– Ну, теперь я покоен, потому что адмирал, по крайней мере, нимало не походил на этот род животных.

– Полноте, полноте, граф, – воскликнул капитан, – вы очень хорошо знаете, что дело не в сходстве, а в выстреле.

– Да, да, я начинаю припоминать. Какая же у вас память, капитан; и стоит ли говорить об этом вздоре?

– Хорош вздор, прошу покорно!

– А что такое? – спросил я у капитана, – если только вопрос мой не нескромен.

– А вот я вам расскажу.

– Право, не стоит, – перебил полковник, – удачный выстрел, вот и все.

– Положим, а я все-таки расскажу. – Капитан вытер рукавом губы и обратился ко мне всем туловищем.

– В двадцатых годах, – начал капитан, – я перешел во французскую службу и находился на военном фрегате, который имел честь перевозить адмирала из Орана в Тулон. В свите адмирала был полковник (капитан указал на графа). Вот в одно утро матросы заметили, что за рулем крадется

акула: дурной знак для моряков. Правда, в наш век подобным пустякам не верят порядочные люди; но, сами посудите, есть ли возможность вбить в матросскую голову, что акула то же, что собака или другой голодный зверь, которому нужна пожива и больше ничего. Матросы задумались и стали перешептываться. Я был на вахте в то утро и при рапорте доложил адмиралу, что так и так. Адмирал оставил завтрак и в сопровождении всех офицеров взошел на палубу. Как нарочно, погода была тихая, море спокойное, и фрегат едва двигался вперед. «Брось ей что-нибудь», – сказал адмирал, и в тот же миг принесли из кухни несколько кусков мяса; первый кусок испугал животное, которое приостановилось было, но вскоре перевернулось вверх брюхом и, проглотив мясо, быстро догнало фрегат; второй кусочек был проглочен еще скорее, а третий и четвертый до того разлакомили чудовище, что оно без церемоний только что не хваталось за руль. «Есть ли возможность отделаться от этого драгоценного сообщества?» – спросил вполголоса адмирал у капитана фрегата. «Никакой, – отвечал капитан, – иначе я употребил бы на то все средства». Адмирал задумался и потом обратился к полковнику.

– Какая память, какая память, – проговорил, улыбаясь, граф.

– Да, память недурна; но слушайте, – продолжал капитан. – На просьбу адмирала – подарить ему акулу, полковник слегка поклонился и приказал принести штуцер. Общее

любопытство дошло до высочайшей степени. Пока граф заряжал ружье и осматривал курок, офицеры тревожно перешептывались между собою; большая часть пожимала плечами, другие улыбались с видом сомнения, а я, признаюсь вам, претпосто утверждал, что полковник берется не за свое дело и что ни за какие сокровища не желал бы я находиться в его смешном положении. Но штуцер был заряжен, и полковник подошел к заднему борту; он стал всматриваться в животное, и мы едва переводили дух. «Бросьте ей что-нибудь, – сказал спокойно граф, – и, ежели можно, на веревке». Приказание его было выполнено в точности; половина барана, привязанная к тонкой бечевке, упала в море, и акула перевернулась; но в тот миг, когда пасть ее разинулась и готова была проглотить лакомый кусочек, мы дернули за бечевку, и баран отскочил вперед. Акула несколько минут следовала за приманкою, потом вдруг наддала ходу и снова перевернулась. «Дерните», – сказал полковник, и в тот миг, как обманутое животное, перевернувшись, обнажило голову, выстрел раздался. Все мы превратились в зрение; никто не дышал. Животное свернулось в кольцо и нырнуло, оставя круг на поверхности моря. «Ну что? – спросил адмирал, – попал ли?» – «Полагаю», – отвечал граф, отдавая ружье. «Но чтоб убить чудовище, нужно пробить ему перемычку глаз», – заметил адмирал. «Знаю», – отвечал граф так же спокойно и так же утвердительно, как бы сказал вам «здравствуйте!». «Кровь, кровь!» – закричал вначале один из адъютантов адмирала.

«Кровь!» – повторили все без исключения, и не понимаю, как я не перескочил за борт. Адмирал приказал спустить в море шлюпку и сам в сопровождении графа и нескольких офицеров, – а в том числе и меня – сел в нее, и мы стали грести по направлению кровавого пятна.

– Славная минута, – заметил как бы нехотя граф.

– Я думаю, что славная, – прибавил капитан, – потому что едва мы наехали на место казни, как из глубины моря показалось беловатое, довольно длинное пятно; пятно это обрисовалось явственно, а чрез минуту издыхающее животное всплыло на поверхность воды. Разумеется, рукоплескания целого экипажа, громкое виват отвечали нашему крику, и чудовище с перебитою перемычкою между глаз приняло с восторгом на борт адмиральского фрегата.

– Что же тут необыкновенного: удачный выстрел и больше ничего, – повторил полковник, стараясь уклониться от комплимента, который был уже на конце моего языка.

– Если б смерть акулы была простая удача, то не стоило бы и говорить о ней; но, не отказавшись стрелять в присутствии многочисленного общества совершенно посторонних людей и адмирала, вы выказали такую уверенность, которая должна бы была уничтожить вас в общем мнении, если б уверенность эта не оправдалась самым делом, – заметил я.

– Следовательно, вы полагаете, что можно быть уверенным в выстреле? – спросил полковник, обращаясь ко мне.

– До этой минуты я был далек от подобного предположе-

ния.

– И вы были совершенно правы; допустив твердость руки, привычку к оружию и частое упражнение, нельзя не взять в соображение качку судна, с которого вы стреляете, а главное, и что всего важнее, – отблеск цели и подвижность ее; из этого всего вы видите ясно, что выстрел мой был только удачен, а решившись стрелять, я исполнил желание покойного адмирала, которого любил и уважал от всего сердца.

Граф глубоко вздохнул и, пройдясь несколько раз по кают-компании, поспешно вышел вон.

– Сгрустнулось ему, – сказал капитан, смотря ему вслед, – и, кажется, я глупо сделал, напомнив об адмирале.

– А скажите мне, капитан, вы коротко знаете графа?

– Я много слышал о нем; впрочем, я знаю его с давнего времени столько, сколько может знать проезжего кондуктор дилижанса. Храбрость, хладнокровие и благородство полковника вошли в пословицу в тех странах, где он служил.

– А где именно? – спросил я.

– Везде, где дрались и была опасность. Нет войны, полковник ищет четвероногих неприятелей, конечно, не кроликов, но врагов повыше и потолще, а главное – посердитее.

– Однако выйдемте-ка на палубу; скоро смеркнется, а море шалит не на шутку, – и капитан помог мне вскарабкаться на лестницу, которая беспрерывно ускользала у меня из-под ног: так сильна становилась качка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.